

Евгений
РУССКИХ
г. Шяуляй,
Литва

КРЕСТ

рассказ

1

Архипов закончил работу и вынес из сарая новый крест, сделанный из двух хорошо обструганных планок.

— Далеко собрался? — крикнул ему из-за ограды Ромас.

Его черный «Mercedes» стоял во дворе, вымощенном камнями.

— На гору Крестов, — сказал Архипов. Лицо его было опухшим, правый глаз заплыл.

— Счастливчик! — позавидовал сосед. — Если встретишь там бога, попроси его, чтобы он снизил инфляцию.

— Мои молитвы там не услышат, — сказал Архипов, прикрепляя крест к раме своего велосипеда.

— Тогда зачем крест?

— Друг умер.

— Все мы там будем... — быстро перекрестился сосед. — А ты кто по вере? — спросил он, садясь в автомобиль. — Православный или католик?

— Буддист, — почему-то ответил Архипов. Хотя не был ни тем, ни другим, ни третьим.

Сосед отбыл в офис. Архипов присел на заваulinку. Закурил.

Вставало солнце. По-весеннему щебетали в деревьях птахи. Деревянный дом его покойных родителей покосился вбок, требовал ремонта. «Бог с ним, с ремонтом», — потер Архипов ладонью небритый подбородок. Денег все равно не было. Плохо было другое: он сам.

Вспомнилось, как он раздражался, злился, бесновался зимой, когда пилораму, где он трудился десять лет, закрыли за долги. И он остался без работы. Пил, когда умер Андрей. Короче, был дураком, а дураков он и сам не любил.

Вот и вчера у него не было ни малейшего желания связываться с тем бритоголовым в баре у Гоши, но тот сам напросился.

Хулиганов было трое. Но тон задавал старший среди них — красномордый, с бугристой обритой головой и кабаньими глазками. Гоша предупредил: «Не реагируй на их выпады». Ар-

хипов взял свой бокал с пивом и направился к столику. Красномордый проводил его злобным взглядом. И выругался на русском: мол, хотел послушать живую музыку, а попал на шоу уродов, безруких и безногих. Его «шестерки» заготовили.

Гоша покачал головой. На афганской войне он был поваром. Варил кашу. Когда духи накрыли минометным огнем их палаточный городок, ему оторвало голень. Архипову повезло больше, чем Гоше и тем салажатам, погибшим в палатках. Пуля раздробила ему левое плечо. Его прооперировали. Но плечо осталось «замороженным». Так что на пилораме Архипов работал в основном правой рукой. И так натрудил ее, что стала она сильной, как шатун. В этом он не раз убеждался, когда ему приходилось драться с разной сволочью.

Но вчера драться он не хотел. Он вообще не хотел больше драться никогда. Но красномордый не унимался и стал поносить Джона Леннона, портрет которого Гоша повесил в своем заведении вместе с плакатом «War Is Over», то есть «Конец войне». Архипов, любивший Леннона, сдержанно попросил его не шуметь. Но тот не понял. И продолжал изрыгать ругательства. На скулах Архипова вздулись желваки. Боясь своего гнева, он поднялся из-за стола...

Схватка была короткой.

Он едва устоял, когда красномордый хуком оглушил его. И больше не сдерживал себя. Дал как надо правой жожаку в живот. Тот обхватил Архипова. Архипов его оттолкнул и дал ему еще раз снизу в челюсть. Жожак взмахнул руками и грохнулся на пол...

Архипов крутнулся к тем двоим. Сопляки отскочили, выжидающе смотрели то на Архипова, то на упавшего...

— Вон отсюда! — подбежал к ним Гоша.

Подхватив своего жожака под руки, хулиганы с руганью и угрозами выкатились из заведения.

— Преподавал урок, — успокаивал Гоша Архипова, закрыв бар. — Теперь они здесь не появятся.

Но Архипов знал, что после таких «уроков» кабаны становятся еще наглее. И они есть всюду, в каждой стране. Но — что хуже всего — их поголовье увеличивается. Вот в чем беда. Гоша слушал и только вздыхал.

Архипов пришел в свой пустой дом. Правая рука опухла и болела. На сердце скребли кошки. Он лег на кровать, но заснуть не мог.

Валя, жена, ушла от него зимой. Она его, дурака, жалела, когда он запил, похоронив Андрея. А он не понимал этого. Орал: «Если я идиот, тогда где же он, твой умный-то?» Первый муж Вали был кандидатом наук. Писал диссертацию. Валя работала одна, содержала его. А когда он диссертацию защитил, то бросил ее и женился на студентке. «Не далеко же я ушел от тех, с кем дрался!» — свеживал себя Архипов.

Вспомнилось, как Андрей, не терпевший зло в любом проявлении, назвал его хамом, когда случайно стал свидетелем его ссоры с Валентиной. Архипов не знал, куда деться от стыда. Жить захребетником было невмозгалу, но работы не было. И он, как тот пьяница из сказки, которую однажды дал ему почитать Андрей, пил, потому что его мучила совесть, а совесть его мучила потому, что он пил. Андрей, как мог, вразумлял его. Зачем, почему он тратил на него, динозавра, у которого и мозгов-то было с куриное яйцо, свое время? Невысокий, тонкий в кости, Андрей казался Архипову моложе своих двадцати восьми лет. Он где-то что-то преподавал. Бегал с гитарой по частным урокам. Изредка выступал у Гоши — с маленькой сцены пел под гитару свои песни. Там они и познакомились, и задушевно говорили о многом.

И как-то так само собой получилось, что Архипову эти разговоры с Андреем стали необходимы как воздух в том водовороте, где он барахтался, потеряв свое место в мире. Андрей говорил ему о чем-то важном, чему и слов-то не подберешь. Но без этого «чего-то» все казалось бессмыслицей. Ну, отломал день на работе, ну, нажрался мяса, а дальше-то что? И болит душа, не зная, что дальше. Андрей знал. Однажды он рассказал Архипову, что поливает речной водой не принявшиеся деревца, которые посадили на горе Крестов монахи-францисканцы. Архипов уже где-то слышал, а может, видел в кино, как один священник поливал высохшее дерево на протяжении многих лет, каждый день приносил на вершину горы полные ведра воды. И дерево зацвело. Но Архипову и в голову бы не пришло поливать су-

хое дерево в реальной жизни. А его друг поливал. Обыватели над ним посмеивались. И таких насмешников было в городе немало. Та же разведенка Маша Бойченко, шустрая кареглазая украинка, подруга Вали, крутила возле виска пальцем: «Вон твой дружок опять покати на гору сухую палку поливать, лучше б делом каким занялся!»

— Дурочка! — сердился Архипов. — Он палку-то эту и за тебя, бескрылую, поливает.

— Да ну? — хлопала Машка насандаленными ресницами. — Прямо за меня? Ну, тогда передай своему другу, чтоб шибче поливал. Глядишь, женилка-то и вырастет...

И, показав Архипову остренький язычок, пела:

*Жабанята квацают:
Боже крилець не дав...*

Андрей от души посмеялся, когда Архипов спел ему эту «пісню». Он хотел, чтобы и Архипов там побывал — на горе Крестов. И Архипов ему обещал. Да так и не собрался. И долг саднил, как незаживающая рана.

И была уже глубокая ночь, когда он, совершенно измученный, поднялся с кровати. Набросил на плечи ватник и пошел в сараюшку. Там у него был верстак. Набор плотницких инструментов.

2

До горы Крестов было одиннадцать километров. Об этом сообщал придорожный щит возле костела Петра и Павла. И Архипов что есть силы погнал велосипед по велодорожке прочь от города, и ветер бил ему в лицо запахами талой земли, вышибал из глаз слезы.

Слева, по рижской трассе, сновали туда-сюда машины; справа чернели поля. За полями синел лес. То и дело небо распарывали натовские истребители, базирующиеся на Шяуляйском аэродроме, заглушали своим ревом пение жаворонка, который, казалось, сопровождал Архипова, будто душа Андрея...

Андрей верил, что гора Крестов — святое место. Говорил, что это храм, созданный самой природой. «И пока эта гора существует,

мир не рухнет в пропасть...» — слышался Архипову его голос.

В тот день Андрей до нитки промок под дождем. Кашлял нехорошо, сухо. И Архипова так и подмывало спросить, зачем он гробит свое здоровье, мотаясь на гору Крестов так часто.

— Это ритуал, — сказал Андрей, будто прочитав его немой вопрос. — Просто ритуал...

Но он что-то недоговаривал.

А спустя месяц Андрей умер.

Кто-то выстрелил ему в живот из газового пистолета, переделанного для стрельбы боевыми патронами, забрал его гитару «Rickenbacker», когда вечером он возвращался домой после концерта. Убийцу не нашли. И когда Архипов пытался представить лицо того, кто убил Андрея, ему виделась красная морда с маленькими глазками, утонувшими в этой красноте.

— ...Понимаешь, Саня, идет война, — бормотал Андрей в больнице, умирая от перитонита. — И земля победила небо...

Архипов молчал, понимая, что он хочет сказать ему что-то важное, о чем они не договорили.

— ...Бог умирает... — бредил Андрей. — Но Его, Бога, можно вернуть на землю... И мы должны Ему помочь... Все обожить! Все одухотворить заново. Самих себя, каждый цветок, каждый камень, каждое дерево... И не в этой ли нашей каждодневной работе разгадка... Смысл и цель, а, Саня? Я это только сейчас понял... — открыл Андрей глаза, огромные и безумные. — Вот в эту минуту понял... Нет, я знал. Давно знал. А сейчас... Сердцем, болью понимаю, да поздно... Ах, если бы мне пожить еще немного... Хоть один день. И на горе побыть...

— Зачем, Андрей? — впился ногтями с траурной каймой в свою руку Архипов. — На гору-то...

— Саня, милый! Я бы там крест поставил. Крест! Сейчас, когда я ЭТО знаю... И имею право говорить... От лица всех... — совершенно другим, не своим грудным голосом, сказал он. — Ведь все мы братья, родственники... Понимаешь, Саша? И отчизна у нас одна. Единственная...

— Андрюш, может, это... священнику скажешь, про Бога-то? — Не знал, чем помочь другу несчастный Архипов, видя, что Андрей уми-

рает. — Он лучше поймет, что к чему. Я могу священника... У меня деньги есть, — соврал он, вдруг вспомнив, что попу надо платить: кто-то ему говорил, что услуги священников платные.

— Не нужно... — вдруг открыл глаза Андрей, и столько в его глазах было сочувствия вперемешку с мукой, что Архипов не выдержал этого взгляда, отвернулся. — Я привык без посредников с небом говорить... Так честнее. Ты лучше крест поставь на горе. И винца там выпей... Но только не грусти там, Саня... Не надо...

Умер Андрюша на руках Архипова. Странно, что кроме ребят-музыкантов да красивой девушки, рыдавшей по Андрею, в больницу никто в тот день не пришел. Выходило, что у Андрея не было родных. А может, родственники просто не смогли приехать в Литву из-за визового режима. И от этого было Архипову еще горше. Еще жальче Андрея, который никогда не жаловался на свое сиротство...

Вдруг звонок на сотовый. Архипов затормозил. Звонил Гоша:

— Ну, как ты?

Архипов сказал, что катит на Крестовую гору.

— Молоток, Саня! — поддержал Архипова Гоша, он же Игорь Анатольевич Беляев. — Держись, сержант. А я здесь Андрея помяну. Уже наливаю...

Но, видно, небеса были иного мнения об Архипове, чем Гошино «молоток». И как только он набрал скорость — бах! Архипов едва успел затормозить, чтобы не сверзиться в кювет...

— Что за хрень?

Потом увидел — отлетела педаль. Ну и ну!

В задумчивости подобрал Архипов на дороге педаль. А чуть дальше от нее — отвинтившуюся гайку. Приладил педаль на место. Хотел было закрутить гайку, да вспомнил, что забыл ключ.

С горем пополам он закрутил гайку лезвием складного ножа. Проехал метров сто. И ногой почувствовал, что педаль отваливается.

Архипов спешился, покурил, шурясь на облака. В небе, будто в насмешку, натовские самолеты прочертили белый крест. До горы было семь километров.

— Поворачивай оглобли! — нашептывали бесы. — Неужто погрешься?

Но Архипов не слушает провокаторов, снова закручивает гайку, прикладывает подорожник

к ножевым порезам на руке — «и вперед, и выше», как говорил в армии их взводный Серега Нефедов. И даже песню строевую запел, ведя своего одра за руль:

*Не плачь, девчонка, пройдут дожди,
Солдат вернется,
Ты только жди...*

И боковым зрением ему видно, как вытягивают шеи из машин люди, едущие по трассе. Одна дамочка из авто чуть не выпала — вот как ей стало любопытно. И даже весело, что не Архипов едет на велосипеде, а велосипед на нем. Ай-яй...

Несутся машины. Лыбятся водилы, завидев «крестonosца». И никому даже в голову не приходит помочь человеку.

Вдруг — велосипедисты. Девушка и два парня. За спинами рюкзачки. Смеются:

— Крестный ход, да?

И катят дальше.

— Может, помощь нужна? — неожиданно притормозил крайний парень, высокий и тонкий, как бегун на дальние дистанции.

— Нет проблем, — неожиданно для себя отказался от помощи Архипов. Не иначе бесы за язык потянули.

Пожав плечами, пацан рванул догонять друзей.

— Так мне и нужно, — вслух сказал Архипов. И почувствовал себя почти больным.

Становилось жарко, солнце припекало голову. И Архипову, седому, постаревшему за эту долгую зиму, мучительно хотелось пить. Но он не взял с собой воды, понадеявшись на свою солдатскую закалку.

— А мы тебе что говорили! — развеселились бесы. — Не двадцать, поди. Топай теперь, олух царя небесного.

И подумалось с горечью: «Зачем жил? Коптил небо?» Но Архипов осадил себя. Вспомнил желторотых новобранцев — таких же, как этот длинный мальчишка-велосипедист, — погибших под шквальным огнем духов в палатках. Да и других ребят вспомнил он, оставшихся там на веки вечные, в горах Афгана...

И решил — не сдамся. Хоть на брюхе, но до горы доползу. Назло всем бесам.

И вот наконец показался вдали поворот на

Крестовую гору, отмеченный высоким каменным распятием.

Допехал до креста. Передохнул. И еще километра три протопал пешком, прежде чем открылась ему гора, сплошь покрытая крестами.

И была она издали похожа на остров, будто парящий над лугом. Но, может, ему померещилось. Хотелось думать, что остров... А неподалеку — речка, тенистая, тихая, с песчаным дном. Ведро в траве. И почему-то Архипову подумалось, когда он увидел это ржавое ведро, что деревья, которые поливал Андрей, зацвели. Что-то не видно было окрест ни одного сухого дерева. Молодыми листочками шелестела рошица. И звенела своими многочисленными украшениями гора. Хорошо было здесь. Привольно.

Архипов умылся в реке. Испил воды. И медленно, озираясь по сторонам, пошел к горе. Каждый его шаг будто ангел считает.

Немного оробев из-за своего разбитого лица, постоял перед Христом. Вырубленный из огромного цельного дерева Христос простирал руки к несчастным и счастливым. К победителям и побежденным. И Архипов словно пропуск получил за то, что так хорошо подумал. По деревянным мосткам стал подниматься наверх, сквозь строй крестов — туда, где светилась на солнце белая скульптура Богоматери.

Там, на пологой вершине, он и поставил свой крест среди других крестов.

«Сколько же миллионов здесь побывало!..» — изумлялся Архипов, глядя вокруг на тысячи крестов и других фетишей. И все молились одному Богу, надеялись. И никто ни в кого не стрелял, никто не убивал друг друга из-за цвета кожи или из-за религиозных расхождений...»

И вдруг он увидел фигурку Будды, стоящую под православным крестом, увешанным католическими крестиками и четками.

— Ну и ну! — почему-то обрадовался он этой фигурке со следами, оставленными временем и стихиями.

И вспомнил: да ведь он же «буддист»! Так он сказал сегодня утром Ромасу, своему соседу, когда тот прицепился к нему, какому богу он поклоняется.

Стало до слез ясно, почему «все братья, родственники». Да не было здесь, на горе Крестов, ни рас, ни народов, ни богатых, ни

бедных, ни религий, ни партий. «Все это какой-то великий обман!» — думал Архипов. И казалось, что он об этом знал всегда. Еще до своего рождения. Да забыл. А гора ему об этом напомнила.

И Архипов посветлел лицом. Он это сам почувствовал, что посветлел. Муть в его сердце осела. Ум успокоился. И он ни о чем больше не думал. Ни о чем не жалел. А просто ступал по тропинкам, проложенным среди крестов, вслушивался, всматривался. И таинственный мир горы с грудями ржавеющих, гниющих и истлевающих на земле нательных крестиков, иконок, распятий, медальонов с ликами Спасителя утешал его. Будто гора заведомо скорбела и по его судьбе.

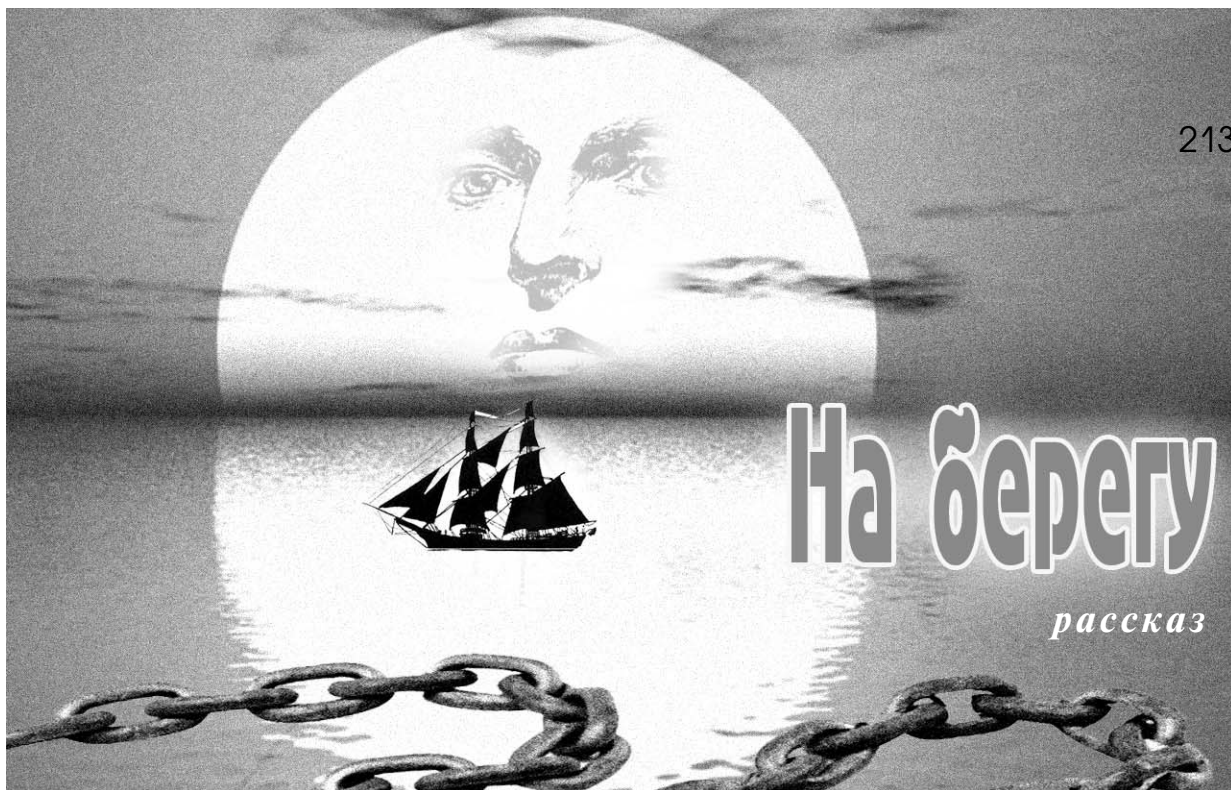
Архипов вернулся к реке, где стоял его «Messenger»¹. Так называл его велосипед Андрей за надпись на раме «Wag Is Over». Достал из рюкзака бутылку красного вина, хлеб. И выпил за Андрея, который, казалось, смотрел на него с небес, улыбаясь своей милой улыбкой. А потом — за всех ушедших, убитых на войне, погубленных от голода, нищеты и политики, да и за всех живущих. Такое было настроение. Редкое, светлое.

С какой-то непобедимой уверенностью завинтил он зазубренным, как пила, ножом гайку на педали. И — будь что будет! — покатил к трассе. Но педаль держалась. Мало-помалу Архипов стал забывать про педаль, думая о чем-то другом, хорошем. А когда вспомнил о ней, то был уже виден впереди белый костел Петра и Павла с красной верхушкой, похожей на карандаш.

Архипов удивился, что гайка до сих пор держит. Но без особых эмоций. Держит и держит. Бывает и не такое. И вскоре, сам того не заметив, замычал песню Джона Леннона «Imagine»², радуясь весне, попутному ветру и непотерянному дню.

¹ «Messenger» — несущий весть.

² «Imagine» — «Представьте себе», песня Дж. Леннона.

На берегу

рассказ

Хозяин строящейся виллы нанял Клепова собирать камни на берегу моря. Под откосом Голландской шапки таких валунов из обломков горной породы было пруд пруди. Носить камни надо было к реке, где обрывистый берег резко понижался. Там была дорога, ведущая в поселок.

— Работай! — сказал хозяин.

Он недавно вернулся из Египта. Его загорелое лицо излучало самодовольство.

— Мне нужно много камней. Три пирамиды!

И Хеопс, как тотчас окрестил его Клепов, уехал.

Клепов стал работать.

Сначала он возил валуны на тачке вдоль кромки прибоя. Но колесо тачки увязало в песке. И он стал носить камни вручную.

До этого он трудился на стройке. Мастер, невзлюбивший его, давал ему работу потяжелей, замотал придирками. Прожигал сутулую спину Клепова подозрительным взглядом. Клепову хотелось дать в сытое, продубленное водкой и солнцем рыло. Но он, нелегал, только стискивал зубы.

Здесь, на морском берегу, никто не давил его.

1 Дул юго-запад, помогал одолеть путь до реки. Волны набегали на берег длинной полосой, откачивались, шипя в гальке. Сквозь прозрачную воду говорливой речки был виден каждый камушек.

Клепов сбрасывал груз, переживал перебои в сердце и, согнувшись, семенял обратно, оставляя следы на мокром плотно слежавшемся песке.

Гора камней росла. На горизонте топали в порт и выходили из порта корабли. Запах моря будил в нем тоску по родине...

— Папа! — вдруг позвала его Даша.

Клепов выронил камень... Дочка стояла на откосе Голландской шапки и салютовала ему полотенцем.

— Ну, кто первый! — донесся из прошлого голос Марины, его жены.

— Я первая, я... — сбежала к морю Даша.

Клепов потряс головой, сбрасывая наваждение.

Последний свой рейс он совершил год назад. К тому времени чугунные кулаки рынка вышибли за борт не только его одного. Многие его знакомые, такие же моряки, как и он, остались без работы. И когда после простоя ему неожиданно предложили сходить в Австралию на судне, он

долго не раздумывал. Хотя его приятель, механик, предупредил, что котлы у посуды, построенной в 1916 году, старше быть не могут.

Но поступила в университет Даша, тяжелой и редкой болезнью заболела жена...

Клепов поднял гладкий валун, сырой на ощупь, понес его к реке. Последнее письмо, вернее, посылку из дома, он получил весной в Литве. Зиму он перебил в России, на даче у бывшего морпеха Мишки Моремана. Клепов был в розыске. Мучительно тосковал по жене, дочке. Страдал от невозможности помочь им. Однажды Мишка попросил оказать ему услугу. Дело, которое он предлагал, было паскудное. Но выхода не было. «Это не наркота, а табак», — глушил Клепов свою совесть, переправляя по дну реки в Литву запакованные в полиэтилен сигареты. Но грязные деньги не радовали. И каждый раз, когда Мишка отсчитывал ему бабло, на душе было погано, будто он продал родину.

Но как-то раз в один из «рейсов» через пограничную реку он чуть не утонул. Когда на самой середине непроглядного ледяного потока у него схватило сердце. Без акваланга и без товара он вылез на чужой берег, наглотавшись речной воды. Назад, в Калининградскую область, Клепов не вернулся.

Надеялся начать жизнь заново. Брался за любую работу. Бедствовал. Тогда-то и пришла посылка. Шерстяной свитер, связанный женой в больнице. Подарки от дочки: белая рубашка с вышитым синим якорем на рукаве, галстук с портретами «битлов», песни которых Клепов когда-то любил.

В письме жена сообщала, что Даша с группой студентов побывала в Англии, две недели жила в Ливерпуле, совершенствуя свой английский. Благодарила за денежные переводы, которые Клепов посылал им из России.

«Бедный, бедный, мой! — писала Марина. — Нет слов, как мы с Дашей по тебе скучаем. Вчера опять приходил один тип из милиции. Спрашивал о тебе. Что же нам делать?..»

Солнце клонилось к западу. А он все носил и носил камни. Получилось три пирамиды. Хеопс оценил «шутку»: три креста из плавника, обточенного волнами, которыми Клепов увенчал свой труд. Тут же, на берегу, заплатил за работу. Клепова терзал голод, но идти в поселок, где был продуктовый магазин, у него не было сил.

Смеркалось, когда он дотащился до своей «фазенды», спрятавшейся в дюнах. Багровый закат, похожий на раскаленную лаву, залившую полнеба, предвещал непогоду.

Клепов падал от усталости. Хотелось лечь на землю и не вставать. Но он преодолел себя. На очаге, сложенном из камней, сварил в котелке картошку. Погонял чай, настоянный на зверобое. И заполз в палатку, натянутую на кольях. Но заснуть не мог. Нехорошо покалывало в перетруженном сердце. Болела поясница. И вновь и вновь, как в повторяющемся сне, он мыслями возвращался к трем пирамидам.

— Спать, спать! — приказывал он себе, ворочаясь с боку на бок.

Но поспать ему не удалось. Ночью задул норд-вест. Шквалистый ветер рвал и метал палатку. Скрипели на ветру сосны. Барабанил по парусине дождь. Под утро ветер улегся. Клепов зашевелился. Хотел откинуть тяжелый намокший полог. И вдруг обнаружил, что его левая рука омертвела.

— Работай, ну же, работай! — массажировал он руку.

Но рука не слушалась. Тогда он отыскал иглу, которой чинил рыболовную сеть. И вонзил ее в левое плечо. Бесполезно!

Клепов смотрел, как черная капля крови стекает по руке, сильно похудевшей за последнее время, и грубо выполненная наколка «И один в поле воин», которую навалал ему на плечо кореш еще в мореходке, теперь показалась ему насмешкой над самим собой.

— Ни черта человек один не может, — ощерился он одними морщинами, сбежавшимися около его воспаленных глаз.

Но слезами горю не поможешь.

— Ничего. Буду работать одной рукой, — сказал себе он. И вылез из палатки.

Вокруг было сыро, зябко. Несколько листьев на деревьях, окружавших его логово, пожелтели. Краснела ягода-рябина. По небу волоклись черные косматые тучи, похожие на бомжей в лохмотьях. Шумело море. И Клепов подумал, что осень на Балтике ему не пережить.

Поев холодной картошки, он пришел к Голландской шапке. Вчерашние пирамиды уже отвезли на виллу, похожую на замок, окру-

женный оградой из валунов. На песке виднелись свежие следы, оставленные тракторными шинами. Под откосом лежала сосна, рухнувшая ночью. В ее ветвистую крону били волны, пенясь в густой зеленой хвое.

— Кандидаты, — грустно улыбнулся Клепов, глядя на кривые деревья, корнями нависшие над обрывом. И приступил к работе.

Большие валуны то и дело выскальзывали из руки, прежде чем он успевал прижать их к телу. Ноги противно дрожали, когда он поднимался с колен, тащил камень к реке. Река, переполненная дождевой водой, изменила русло. На отмели хлопотали береговые птицы. Клепов радовался, что никто, кроме чаек, не видит, как он корячится. Наверно, это было жалкое зрелище.

«Летят перелетные птицы ушедшее лето встречать...» — пел он, и песня помогала.

Но прошел час, другой, и он выдохся. Присел на упавшую сосну, истекающую янтарем. Сердце трепыхалось в груди, как пойманная на крючок камбала. Из-под сбитых ногтей текла кровь. Пальцы на правой руке посинели и походили на клешню. И Клепову даже смешно стало от мысли, что в любую минуту он может все это бросить и уйти. И никто его не расстреляет за это. Как того доходягу ээка из сталинских лагерей, который не справился с одиночным замером. И только зря целый день махал кайлом на сильном морозе, вырубая мерзлую породу, потому что вечером того же дня его расстреляли как саботажника.

— Ведро! — Поднялся Клепов. — Надо найти ведро...

И тогда он станет носить по два, по три валуна за ходку! На берегу он не раз находил ведра. И проклял себя, что не взял с собой ведро, которое у него было на «фазенде»!

Но он только зря потерял время, отмахав по берегу мили три в сторону Мемеля. Кроме бушприта от парусного судна да белой туфельки на высоком каблуке, он ничего не нашел.

Клепов поднял туфельку. Она потрескалась, как лак на старой картине. И в паутине ее трещин ему вдруг померещился тонкий профиль женщины, давно умершей.

— Мама...

В испуге он коснулся своей груди: кольцо матери, которое он носил на черной леске, было на месте. И это как будто придало ему силы.

Хеопс приехал в сумерках. Он был не в духе.

Покосился на две пирамиды, мокро блестящие в свете фар, каждый камень которых стоил Клепову капли крови.

— Я не богач, — сказал он, доставая из внутреннего кармана кожаной куртки бумажник. — И не могу гонять трактор порожняком. Три пирамиды. Иначе...

Клепов выронил монету, зазвеневшую о камни...

— Что у тебя с рукой? — недовольно поморщился Хеопс.

— Так, ерунда!

— Ну, ну...

Пошел дождь. И, пока Клепов добрал до своей «фазенды», он промок до костей.

3

Ночью он опять не спал. Болел плечевой сустав правой руки. И он не знал, куда деть ноющую руку. Вдобавок его знобило. И не было никаких сил подняться, когда забрезжил хмурый рассвет.

Но он поднялся. Взял ведро и пошел к обрыву.

Работа пошла быстрее. Но он заметно ослабел, и, как ни упирался, к вечеру ему удалось сложить из камней только одну пирамиду.

Он начал складывать вторую, когда приехал хозяин.

— Так дело не пойдет, — впервые взглянул он в глаза Клепова.

От него пахло хорошим коньяком и фруктами.

— Еще не вечер, — ощерился Клепов, шатаясь от усталости. — Я сложу пирамиды.

— Охотно верю! — хлопнул его по плечу Хеопс. — Но я за тобой сегодня наблюдал, — перевел он взгляд на море. — Ты честный человек. А я не изверг. Вот деньги, — достал он из кармана куртки и протянул Клепову белый конверт из плотной бумаги. — Сходи к врачу. Здесь хватит. Я нанял другого работника.

Клепов взял конверт. Хозяин пошел к джипу.

— Тебе в поселок? — вдруг оглянулся он.

— Нет, мне туда, — махнул в сторону моря Клепов.

— Что ж, попутного ветра, — сказал Хеопс и сел в джип.

Клепов стоял на ветру с белым конвертом в руках. Прошла минута, другая, машина не

двигалась. Зажженные фары выхватывали из темноты часть обрыва, каменистый пляж с упавшей в море сосной. Шумело в темноте море. Вдруг дверца джипа отворилась:

– Эй! – позвал Хеопс.

Клепов подошел.

– Здесь немного бренди, – протянул он Клепову пузатую бутылку. – Выпей. Ты похож на мертвеца.

Клепов взял бутылку. Хозяин уехал.

4

На другой день горизонт посветлел. В голубом, промытом дождем небе плыли облака причудливой лепки. Из-за леса поднималось солнце.

Клепов стянул с себя свитер, связанный женой, и, подивившись своей худобе, достал из рюкзака пакет с подарками дочери: «битловский» галстук и белую рубашку, которую он ни разу не надевал. Все надеялся, что его жизнь как-нибудь наладится. И тогда он с чистой совестью наденет обновки. Что ж, такой день наступил.

Перед осколком зеркала, укрепленного в развилке рябины, Клепов сбрил щетину. Надел чистую рубашку с якорем, повязал галстук, о каком не мечтал. И снова почувствовал себя моряком, подчиняющимся корабельной дисциплине, верным старой традиции: уходить на дно в чистом.

– Хорошо, что у меня есть лодка и якорь, – подумал он как о чем-то обыденном, будто собрался не в одиночное плавание, а на рыбалку.

Потом он сложил в рюкзак свои пожитки, которые, собственно, были ему не нужны. И, окинув взглядом свою «фазенду» с очагом из гладких камней, столиком, который он соорудил из досок, подаренных морем, поднялся на гребень дюны.

На морском горизонте топал домой сейнер, зарываясь штевнем в волны. Горланили чайки. В последний раз Клепов оглянулся на лесистый берег, где в густых зарослях скрывалось его прибежище. Уходить с обжитого места было грустно. Но тянуть дальше не было смысла. Зачем?

По узкой тропинке он спустился на пляж. И, не оглядываясь, пошел вдоль берега моря в поселок, чтобы отправить денежный перевод своим девочкам, Марине и Даше. В поселке, на старом

причале, была ошвартована и его лодка. Он нашел ее летом на берегу, бесхозную, отремонтировал, просмолил. И вот пригодилась.

Клепов не торопился. Прощался с берегом, где знал каждое бревно. Да что там – любую вещь. Будь то маска для подводного плавания, глядевшая на Клепова пустыми глазницами, желтая резиновая перчатка, обросшая черными ракушками, или матросский бушлат, распято лежавший на мокром песке. И странное дело: на какую бы вещь ни упал его взгляд, все теперь приобретало какую-то особую ценность. Будто вещи, потерявшие свое земное назначение, были одухотворенными.

– Это голод, – вслух подумал Клепов. – Мне открывает глаза голод.

Впереди показалась Голландская шапка. Речка обмелела и вновь текла по старому руслу. Клепов перешел ее вброд. На берегу возвышались три пирамиды. Две из них он сложил ночью, хотя расчет был в кармане. Но он привык держать слово.

Из-за облаков выглянуло солнце, осветив глинистые откосы Голландской шапки, испещренные глубокими промоинами, точно морщинами. И Клепов почувствовал на своем лице солнечное тепло.

Миновав Голландскую шапку, он вдруг увидел на гальке своего знакомого, некогда горделиво летевшего впереди своего корабля. Теперь бушприт умирал на берегу, никому не нужный. С наслоениями красной, синей, белой краски, с размочаленной верхушкой – он напомнил его, Клепова, выброшенного волнами.

Клепов снял рюкзак. Поставил его на гальку. Достал из рюкзака бутылку с остатками дареного бренди и, присев на камень возле бушприта, сделал из горлышка добрый глоток. Горячий толчок под сердце растекаясь по телу приятным теплом. В голове зашумело. Он сам не заметил, как стал разговаривать с брусом, будто со старым моряком. Рассказывал, как их судно, построенное в прошлом веке, с котлами, которые парили, как старая прачечная, попало в полосу полного шторма у западных берегов Австралии. Шторм доходил до одиннадцати баллов. Океанские волны обрушивались на палубы, и ветер сбивал с ног моряков. Корабль потерял управление, и его, точно щепку, несло прямо на рифы...

– Море кипело, ревело за бортами, – расска-

зывает Клепов. — Мы отдали оба якоря. Но один сразу сорвало, а у другого лопнула якорная цепь. И судно развернуло носом к волне. А потом его подбросило к черту на рога так, что мы повалились, хватаясь за что попало. И знаешь, о чем я жалел в тот момент? — Клепов отвернулся и мозолистой правой рукой судорожно провел по лицу. — Что я не успел... Понимаешь, не успел купить дочке компьютер. Это была моя мечта. Ей было трудно учиться в университете без компьютера...

Клепов сделал из бутылки еще глоток.

— Нас спасло австралийское судно «Olga», ульшавшее наш SOS. Прилетели в Россию. Я получил расчет. И поехал домой. На поезде. Вышел покурить в тамбур. Там ко мне прицепились пьяные парни. Настроение у меня было светлое. Я дал им по сигарете. И хотел уйти. Но один из них приставил к моему горлу выкидной нож, потребовал денег. У меня второй разряд по самбо. Я провел прием, и тот, с ножом, ударился головой об железо. Другой убежал. Я поднял парня. Он был мертв. Домой я не вернулся...

Клепов умолк. Его сердце ширилось. Победоносным светом сверкало море. На морском горизонте средневековыми городами громоздились облака. Города рушились. И возникали вновь. Из порта вышел парусный корабль, судя по мачтам, бриг.

«Где твой дом, твоя команда?» — иголкой вонзалась в сердце ностальгия.

Вдруг он увидел, как на горизонте из-под обломков города, расправляя гигантские в полнеба крылья, поднимается чудовищная, страшная своей красотой, страшная своим ужасом птица, готовая схватить мертвой хваткой каждого. Клепов понял, что сейчас птица схватит его, и как только он об этом подумал, птица его схватила, и он полетел в неизведанное, ощущая себя прощенным и легким, как перышко, уносимое ветром в пространство...

— Папа! — позвала его Даша.

Усилием воли Клепов хотел вернуться назад, но кто-то громко сказал:

— Якорная лопнула!

И конец оборванной цепи, болтавшийся у клюза, часто и тяжело стал бить по корпусу корабля, и каждый такой удар отдавался болью в сердце. Клепов летел прочь от земли, и удары цепи по корпусу становились все слабее и слабее, а звуки все глуше, потом цепь замерла...

Клепов лежал на песке, упершись лицом в небо. В вышине по небесному океану плыло семицветное, как радуга, облако. Только бы не сбиться ему с курса. И даст бог, оно долетит до России.

□

Евгений Иванович РУССКИХ

родился в 1957 году в г. Шяуляй (Литва).

Журналист, прозаик.

Окончил Алтайский медицинский университет.

Первый рассказ опубликовал в 1989 году.

Печатался в журналах «Балтика», «Простор» и «Вильнюс».

Автор трех сборников рассказов,

в числе которых «Ответа нет», «Оборотень».

Член Союза писателей России.

Живет в Литве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

